

Марк РОЗОВСКИЙ:

НА СЦЕНУ ВЪЕХАЛ НА КОНЕ

Рос. газета. — 1995. — 18 сент. — с. 7.

ГЛАВНОЕ ДЕТИЩЕ ЕГО ЖИЗНИ — СОБСТВЕННЫЙ ТЕАТР В МОСКВЕ. ОН ТАК И НАЗЫВАЕТСЯ: ТЕАТР У НИКИТСКИХ ВОРОТ ПОД РУКОВОДСТВОМ МАРКА РОЗОВСКОГО

Его имя знает всякий, кто хоть мало-мальски интересуется театральным искусством. В театральные учебники вошел, например, шедевр сценического искусства — спектакль «История лошади», поставленный в Большом драматическом театре Георгия Товстоногова с великим Евгением Лебедевым в главной роли. Создатель его — Марк Розовский.

Он — выпускник факультета журналистики Московского университета. Но еще на студенческой скамье увлекся театром и посвятил ему всю жизнь. Одни относятся к его творчеству с восторгом, другие не принимают его поисков.

Сегодня Марк Розовский — гость «Российской газеты».

— Марк Григорьевич, ваше имя впервые обрело широкую известность в шестидесятые годы. Именно тогда вы создали знаменитый те-

атр-студию «Наш дом» при Московском государственном университете, который ставил не студенческие капустники, но Гоголя и Платонова. Что же побуждало вас и ваших друзей брать сразу столь высокие ноты?

— Начало десятилетия было интересным, полным надежд и высоких помыслов. «Наш дом» собрал вокруг себя прекрасных молодых артистов и писателей, многие из которых впоследствии стали известны на всю страну: Фарада, Филиппенко, Петрушевская, Хазанов, Славкин...

Но потом все переменилось. После ухода Хрущева страну захлестывала волна удущья и страха. Начались показательные судебные процессы против инкомысленцев. Одни из них оказались в местах не столь отдаленных. Другие — в психушках. Третьи за кордоном. Многие

пошли в услужение власти за мелкие подачки. Но не все. Поэтому, когда сегодня всех шестидесятников без разбору обвиняют в конформизме, моя душа протестует.

Мы все были разными и в те времена. Кто-то ставил «Синие кони на красной траве», а потом публично сжигал партбилет. А кто-то просто ничего не ставил, чтобы потом принародно не каяться. Но я никогда не седлал синего коня. Ну да ладно, как говорится, кто старое помянет... Возвращусь к своему театру-студии. Мы ставили Платонова потому, что он давал нам возможность говорить о сокровенном, о вечном.

— Марк Григорьевич, а что было после того, как театр-студию «Наш дом» разогнали? Как складывалась ваша жизнь? Не было ли у вас желания уехать из России? Ведь по сути вы были лишены главного — возможности работать.

— Разгон театра воспринимался очень больно. В 1969 году передо мной действительно встал вопрос: уезжать или нет? И я понял, что должен быть здесь. Другого

дома у меня не было и не будет. И тут очень важно было четко ответить на вопрос: почему, в угоду кому я должен покинуть свою Родину? Было очень непросто. Но думаю, что сделал правильный выбор, оставшись дома.

В те тяжелые годы большую помощь и словом, и делом оказали мне Георгий Александрович Товстоногов и Олег Николаевич Ефремов, которые давали возможность ставить спектакли в своих театрах. В частности, именно в те годы я поставил в театре Товстоногова «Историю лошади» по рассказу Толстого «Холстомер»...

— Вы работали и работаете с талантливыми, популярными актерами. И все-таки: о ком бы вам хотелось сказать несколько слов особо?

— Был такой потрясающий актер Володя Точилин. Его игра была бесподобна. И Хазанов, и Шифрин, которые сейчас являются звездами отечественной эстрады, многому научились именно у Точилина. У него был какой-то фантастический дар эксцентрика.

Помню, когда он пришел в «Наш дом», я спросил у него: «А что вы можете?» Он

ответил: «Давайте я занюханного сыграю». Представляете? И выдал такой жест, что все стало ясно. Да, у нас были блистательные имена. Но Володи Точилин — актер от Бога. К сожалению, он рано ушел из жизни, так и не раскрывшись до конца.

— В 1983 году вы организовали театр-студию «У Никитских ворот». Именно с ней в вашей жизни связано много славных светлых страниц. В частности, в 1989 году спектакль «Бедная Лиза» по Карамзину был удостоен звания лауреата на знаменитом театральном фестивале в Англии, в Эдинбурге. Как режиссер вы получили, таким образом, международное признание.

— Театр — это моя жизнь, та среда, без которой я не могу существовать. Вся жизнь меня преследует один и тот же ужас: невозможность реализовать себя. В сущности это и есть несвобода, проклятое ощущение жизни в тюрьме, лагере, за колючей проволокой. Только тогда, когда мы творим, мы ругаем эти стены, начиная жить «поперек барьеров». Искусство делает нас свободными!

Именно поэтому я просто не могу жить без театра. Жить театром для меня так же естественно, как дышать. Наш катехизис — разнополюсная, разножанровая игра во имя Человека, во имя многоцветной правды жизни. Надеюсь, что и те, кто сегодня ныне рядом со мной, разделяют мои взгляды и убеждения.

— Как вы относитесь к нынешним многочисленным сценическим экспериментам?

— Они мне неинтересны. К сожалению, свободу мы зачастую понимаем как вседозволенность. Я не ханжа, но нельзя делать из человеческих страданий бизнес, используя при этом театральные подмостки. Для меня театр всегда был и остается храмом: или священнодействуй, или выметайся...

— И последний, традиционный вопрос: каковы ваши творческие планы?

— Готовимся к гастролем в Соединенных Штатах Америки. Сразу после Нового года собираюсь ставить трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта».

Беседу вел
Николай БУЛАВИНЦЕВ.